

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
E-ISSN: 2310-0028
2025. 20(2): 751-761
DOI: 10.13187/bg.2025.2.751

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Roles of the Kazakh Elder Sultans in the Governance Structure of the Russian Empire (XIX century)

Kanat A. Yensenov ^{a, *}, Rysgul R. Ospanova ^b, Beibitgul Sh. Shurshitbay ^c, Bakytzhan B. Aktailak ^d

^a L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan

^b Abai Kazakh National Pedagogical University, Republic of Kazakhstan

^c East-Kazakhstan state University named after S. Amanzholov, Republic of Kazakhstan

^d Archive of the President of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan

Abstract

The politico-administrative reform of 1822 within the Russian Empire initiated the process of dismantling the Kazakh Khanate, consequently leading to the establishment of new administrative structures in its former territories. Within the Kazakh Steppe, a transformation of power institutions occurred: the authority of the Khans was supplanted by a system of governance represented by Senior Sultans, volost (district) rulers, and aul (village) elders. Within the broader administrative framework of the Russian Empire, which included the Governing Senate and the institution of Governors-General, the administration of the annexed Kazakh lands was incorporated into the existing structure. Specifically, the territory of the Middle Zhuz was integrated into the West Siberian Governor-Generalship, headquartered in Omsk. The Governor-General supervised the activities of the newly established district prikaz. In chronological order, the following external districts were established: Kokchetav and Karkaraly (1824), Bayanaul (1833), and Kokpekty (1844). The leadership of these districts, formed after the abolition of Khanate rule, was entrusted to Senior Sultans elected from the local aristocracy. The administrative-territorial structure of each district comprised subordinate volosts and auls, managed respectively by volost rulers and aul elders.

The reform of administrative governance in the Kazakh Steppe resulted in the institutionalization of the elected positions of Elder Sultans, volost rulers, and elders, integrating them into the administrative structure of the Russian Empire. Archival collections in Russia and Kazakhstan contain information regarding the functional responsibilities of Senior Sultans during this chronological period (1822–1868). This study of the activities of Senior Sultans focuses on the examples of the Kushmurun, Karkaraly, Bayanaul, and Kokpekty districts of the Middle Zhuz, the analysis of whose administrative organization constitutes a pertinent scholarly objective.

Keywords: Russian Empire, Kazakh Khanate, Khan's authority, Kazakhs, Russians, Administrative management, Reform, Elder Sultans, Volost Rulers, Starshins.

1. Введение

Традиционная социальная структура казахского общества характеризовалась стратификацией на две основные группы, определяемые происхождением: «аксүйек» (букв. «белая кость», аристократия) и «карасүйек» (букв. «черная кость», простолюдины). Представители «аксүйек», к которым относились потомки ханов, султанов, ходжей и тарханов, исторически формировали правящую элиту. Из их числа традиционно избирались родовые и племенные лидеры («родоправители»). Данная группа обладала значительным экономическим влиянием и

* Corresponding author

E-mail addresses: kanat-02-79@mail.ru (K.A. Yensenov), ablai_angel@mail.ru (R.R. Ospanova), ms.beybitgul@mail.ru (B.Sh. Shurshitbay), a.bakytzhan1992@gmail.com (B.B. Aktailak)

пользовалась особыми правами и привилегиями в рамках обычного права. Однако с течением времени наблюдалась трансформация этой иерархической системы. Происходило постепенное усиление социально-политических позиций представителей «карасүйек». Они получили возможность приобретать авторитетные титулы, такие как «би» (судья, знаток обычного права) и «батыр» (военный герой, предводитель), устанавливать родственные связи с представителями султанских династий посредством браков и занимать руководящие посты на уровне локальных общин (аулов). Это свидетельствует о процессах социальной мобильности и постепенном размывании строгих сословных границ в казахском обществе.

Административное и судебное управление в каждом округе осуществлялось специализированным учреждением – приказом, де-юре совмещавшим функции земской полиции и окружного суда. Структура приказа включала представителей как правительственной власти, так и местного населения. Правительственный элемент был представлен тремя русскими заседателями, один из которых являлся неперменным членом с обязательством постоянного присутствия. Народный элемент формировали председательствующий старший султан и трое казахских заседателей. Законодательная концепция, лежащая в основе данной структуры, предусматривала юридическое превалирование представителей местного населения над назначенными правительством чиновниками при решении дел в приказе (Гейнс, 1897: 68, 108).

Территория проживания сибирских киргизов (казахов) была административно определена как внешние округа Омской области. Соответственно, фундаментальные принципы организации их системы управления изложены во второй части «Общего учреждения об управлении Сибири». Специальный «Устав о сибирских киргизах» содержит: 1) детальное описание административных обязанностей и функций управления; 2) особые правовые нормы, касающиеся киргизов (казахов), устанавливающие их отличия от других категорий «иностранцев» Российской империи; 3) порядок имплементации и введения данного устава в действие. Административно-территориальная структура была организована следующим образом: первичной единицей являлся аул, насчитывающий, как правило, от 50 до 70 кибинок. Несколько аулов (от 10 до 12) объединялись в волость. В целях административной целесообразности волости консолидировались в округа, каждый из которых включал от 15 до 20 волостей. Управление на низовом уровне осуществлялось таким образом: аулами руководили старшины, волостями – султаны. Для управления округом на выборной основе назначался старший султан. Процедура избрания предусматривала, что старший султан избирается исключительно собранием султанов. Заседатели (представители казахского населения) в окружном приказе (административном органе) избирались биями и старшинами. Легитимность избрания как старшего султана, так и заседателей подтверждалась утверждением областным начальником. Срок полномочий для старшего султана устанавливался в три года, для заседателей – в два года.

Старший султан, избираемый своими сородичами и утверждаемый российским правительством, функционировал как земский чиновник, ответственный за местное управление. Его ключевые задачи заключались в обеспечении правопорядка и содействии повышению уровня благосостояния населения на вверенной ему территории (Научный-исторический архив СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 41-45).

Административная политика Российской империи в Казахской степи предусматривала демонтаж традиционных институтов власти, ключевым элементом которого стала ликвидация ханской власти. На смену прежней системе пришло новое административно-территориальное деление в виде внешних округов, находившихся под юрисдикцией генерал-губернаторов. Параллельно была инкорпорирована система должностей местного самоуправления, таких как старшие султаны, бии, волостные управители и старшины, легитимация которых обеспечивалась через выборные механизмы.

2. Материалы и методы

Источниковая база исследования включает документальные материалы, классифицируемые на три основные группы. Первая группа состоит из опубликованных источников, к которым относятся использованный в работе сборник документов «Материалы по истории политического строя Казахстана».

Вторая группа источников, использованных в данном исследовании, включает архивные документы из фондов Центрального государственного архива Республики Казахстан (Алматы, Республика Казахстан), Государственного исторического архива Омской области (Омск, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация) и Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории (Санкт-Петербург, Российская Федерация).

Третья группа источников состоит из материалов личного происхождения. Так, первые свидетельства современников о последствиях введения Устава 1822 г. содержатся в путевых заметках иностранных путешественников. В частности, барон П.К. Услар, посетивший Казахскую степь в XIX в., в своем труде «Четыре месяца в Киргизской степи» зафиксировал одно из ключевых нововведений – разделение казахских земель на округа, управляемые приказами (известными среди

местного населения как «диван» или «дуан»). Во главе каждого такого приказа, по его наблюдениям, стоял выборный старший султан, избираемый волостями округа на трехлетний срок. В состав приказных структур также входили как казахские, так и русские заседатели, а поддержание порядка возлагалось на преданные воинские отряды (Барон Услар, 1848). Наблюдения современника позволяют взглянуть на имплементацию Устава глазами очевидца и оценить первичное восприятие введенных административных форм.

Методологическая основа исследования базируется на принципах историзма и объективности. Принцип историзма предполагает изучение института старших султанов в его генезисе и развитии, в конкретно-исторических условиях XIX в., с учётом всей совокупности социально-экономических, политических и культурных факторов. Принцип объективности требует непредвзятого анализа источников, отказа от модернизации и идеологизации исследуемых процессов.

В рамках данной работы были применены: историко-системный метод, историко-сравнительный метод, историко-типологический метод, источниковедческий анализ, а также просопографический метод (коллективная биография) (Смоленский, 2010: 237).

Применение данной методологии позволяет установить двойственный статус старших султанов: они являлись, с одной стороны, представителями имперской администрации, исполнявшими ее предписания, а с другой – выходцами из традиционной казахской элиты, имевшими определенный авторитет среди населения. Методы позволяют проследить баланс между этими двумя ролями и выявить случаи конфликта интересов.

Степень эффективности имперской политики: анализ деятельности старших султанов с помощью системного и сравнительного методов позволяет оценить, насколько успешно имперская власть использовала этот институт для осуществления своих целей – контроля над территорией, сбора налогов, поддержания правопорядка, проведения судебной реформы и т.д.

Исследование роли старших султанов позволяет увидеть, как имперское управление воздействовало на традиционные институты власти (институт ханской власти, институт биев), способствовало ли оно их разрушению или трансформации, и какую роль в этом играли сами старшие султаны.

Просопографический анализ позволяет проследить, как из среды старших султанов и их окружения формировалась новая, более образованная и интегрированная в имперскую систему элита, которая впоследствии сыграла значительную роль в национальном движении начала XX в.

Механизмы взаимодействия имперской власти и казахского населения: исследование деятельности старших султанов позволяет понять, как осуществлялась коммуникация между имперской администрацией и населением степи, какие каналы использовались, и насколько эффективным было это взаимодействие.

Таким образом, комплексное применение описанных методов позволяет выйти за рамки формального описания административной структуры и осуществить глубокий анализ социокультурных, политических и административных процессов, связанных с функционированием института старших султанов в составе Российской империи в XIX в., раскрывая их многогранную и порой противоречивую роль.

3. Обсуждение

Изучение роли казахских старших султанов в административной структуре Российской империи в XIX в. занимает важное место в отечественной и зарубежной историографии. Исследователи по-разному оценивают степень интеграции этого института в имперскую систему управления, его функции и влияние на трансформацию казахского общества. Анализ имеющихся научных работ позволяет выявить основные подходы к осмыслению данной проблематики.

Среди классических работ, посвящённых анализу общественных институтов и их роли в казахском обществе в конце XVIII – первой половине XIX в., особо выделяется монографическое исследование академика С.З. Зиманова «Общественный строй казахов в первой половине XIX века». В своей работе ученый осуществляет комплексное изучение социальных, политических и экономических отношений в условиях кочевой цивилизации. Несмотря на то, что работа не фокусируется исключительно на институте старших султанов, она создает необходимый контекст для понимания традиционной структуры казахского общества, специфики политической власти и земельных отношений, что является фундаментальным для осмысления трансформаций, произошедших под воздействием имперской политики и, в частности, института старших султанов (Зиманов, 1958).

Один из фундаментальных вкладов в изучение нормативно-правовой базы управления казахскими территориями Российской империей внес казахстанский историк, профессор Ж. Касымбаев. В своём исследовании «Старший султан Кунанбай Ускенбаев и его окружение» он подробно анализирует положения «Устава о сибирских киргизах» 1822 г., который, как отмечает автор, стал ключевым документом, определяющим статус и полномочия института старшего султана. Ж. Касымбаев подчеркивает, что старший султан фактически возглавлял окружной приказ и наделялся правом формирования его состава. Согласно Уставу, этот коллегиальный орган управления

включал, помимо старшего султана, четырех заседателей: двух представителей русской администрации из Области сибирских киргизов и двух выборных лиц из числа почётных представителей казахского населения (Касымбаев, 2004).

Значимость «Устава о сибирских киргизах» 1822 г. как этапа эволюции имперской политики по конкретным вопросам социально-правового регулирования анализируется в работе профессора Е. Бекмаханова «Казахстан в 20-40-х годах XIX века». Исследователь уделяет внимание параграфу 276 Устава, касающемуся института рабства. Е. Бекмаханов отмечает, что данный параграф легализовал положение лиц, находившихся в рабстве у казахов до 22 июля 1822 г., сохраняя за владельцами права собственности на них, включая возможность продажи и наследования. Однако, что более важно, Устав категорически запрещал дальнейшее порабощение казахов представителями собственного этноса с момента его принятия. Таким образом, Е. Бекмаханов расценивает этот нормативный акт как прогрессивный шаг, положивший начало процессу постепенной ликвидации рабства на территории Казахстана. Тем не менее, он подчеркивает, что имплементация Устава не привела к немедленному прекращению работорговли, и представители казахской феодальной знати продолжали продавать пленников на невольничьих рынках Хивы и Бухары (Бекмаханов, 1994). Этот аспект анализа Е. Бекмаханова демонстрирует как прогрессивные намерения империи, так и сложности их реализации на практике, связанные с сохранением традиционных социально-экономических укладов.

Правовое оформление статуса казахских территорий в контексте их вхождения в состав Российской империи рассматривается японским историком Нода Джин в его исследовании «The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries». Автор указывает, что этот процесс был законодательно закреплён принятием «Устава о сибирских киргизах» в 1822 г. и «Утвержденным мнением Комитета азиатских дел относительно преобразования управления Оренбургским краем» в 1824 г. При этом Нода Джин обращает внимание на сохранение в административной практике титула старшего султана вместо ханского титула, что свидетельствует об определённой преемственности при радикальной смене системы управления (Noda, 2016).

Значимые изменения в политической структуре казахского общества под воздействием имперской политики подробно анализирует американская исследовательница Вирджиния Мартин в работе «Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet». Мартин констатирует, что упразднение института ханской власти привело к образованию существенного структурного вакуума в кочевой политической системе, лишив её одного из ключевых элементов – службы хану. В ответ на это имперская администрация создала новые административные должности – старшего и волостного султанов. При этом, как отмечает исследователь, имперское правительство закрепило электоральные предпочтения для представителей рода Чингизидов при замещении этих должностей. Таким образом, по мнению В. Мартин, в период демонтажа традиционных степных институтов Российская империя сформировала новую бюрократическую систему, которая, по крайней мере формально, позволила Чингизидам сохранить притязания на привилегированное общественное положение и легитимировать свои права на земельные ресурсы в качестве имперских служащих. Большинство Чингизидов Средней Орды пыталось адаптироваться к условиям российского правления, используя предложенные возможности. Однако исследователь подчёркивает, что предоставленные им Уставом 1822 г. властные полномочия не привели к установлению монополии Чингизидов на власть в трансформирующейся социальной структуре казахского общества (Martin, 2010). Анализ В. Мартин выявляет двойственный характер имперской политики, направленной как на упразднение традиционных институтов, так и на инкорпорацию прежней элиты в новую административную систему.

Таким образом, анализ представленных исследований демонстрирует многообразие подходов к изучению роли казахских старших султанов в структуре управления Российской империи в XIX в. Учёные исследуют правовую основу их деятельности, их место в имперской административной иерархии, влияние на трансформацию казахского общества и сохранение традиционных элитных позиций. Несмотря на значительные достижения в изучении отдельных аспектов, дальнейшее исследование, основанное на комплексном использовании разнообразных источников и методов, представляется актуальным для более полного раскрытия заявленной проблематики.

4. Результаты

В казахстанском сборнике документальных источников «Материалы по истории политического строя Казахстана», освещающем реформу 1822 г., содержатся сведения о правовом статусе и порядке избрания старших султанов. Данный источник фиксирует следующие нормативные положения: срок полномочий старшего султана устанавливался в три года, тогда как заседатели избирались на два года. При этом допускалась возможность переизбрания на указанные должности на последующие сроки. В период исполнения обязанностей старшему султану предписывалось повсеместное признание и почитание, соответствующее чину майора Российской службы. По завершении срока

полномочий за бывшим старшим султаном сохранялся почётный статус, и он причислялся к числу наиболее уважаемых султанов ([Материалы по истории..., 1960: 95](#)).

22 июня 1822 г. императорской властью были утверждены следующие законодательные акты: «Учреждение для управления Сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав об управлении киргиз-кайсаков», Устав о этапах, Положения о земельной повинности, а также десять иных законодательных актов, охватывающих различные аспекты административного и правового регулирования.

Согласно административно-правовым установлениям, действовавшим в Сибири, азиатская часть Российской империи была разделена на две административно-территориальные единицы высшего уровня: Западно-Сибирское генерал-губернаторство с административным центром в Тобольске и Восточно-Сибирское генерал-губернаторство с административным центром в Иркутске. В состав первого вошли Тобольская и Томская губернии, а также Омская область. Территории Среднего жуза, прилегавшие к северной границе Российской империи, были административно подчинены Омской области. В Среднем жузе была упразднена традиционная система государственного управления, возглавляемая ханом. На основании «Устава о сибирских киргизах (казахах)» была внедрена новая модель административного управления ([Ремнев, 1995: 79](#)).

В результате реформы 1822 г., законодательно закреплённой в «Уставе о сибирских киргизах», в Среднем жузе была упразднена традиционная ханская власть. Данное преобразование повлекло за собой введение института старших султанов, осуществлявших административное управление в регионе в период с 1822 по 1868 г. Старший султан представлял собой должностное лицо, ответственное за управление территориальным округом в пределах Казахской степи. После ликвидации Казахского ханства временные администраторы назначались из числа представителей казахской знати. Указанный Устав регламентировал новую систему административно-территориального деления, предусматривавшую следующие единицы: аул, включавший от 50 до 70 кибиток; волость, объединявшая от 10 до 12 аулов; и округ, формировавшийся из 15-20 волостей. Управление аулом осуществлялось старшиной, избираемым на трехлетний срок; волостью руководил волостной управитель; а во главе округа стоял старший султан, избираемый волостными управителями ([РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 322. Л. 1-5](#)).

Территория казахов Среднего жуза располагалась в непосредственной близости от внешних границ Омской области. Нормативно-правовое регулирование их управления определялось положениями второй части Общего учреждения об управлении Сибири. Особый устав, регламентирующий жизнедеятельность казахов, включал в себя: во-первых, детальное описание обязанностей их административных структур; во-вторых, специфические постановления, учитывающие их отличия от прочих инородческих групп; и, в-третьих, порядок введения данного устава в юридическую силу. Административно-территориальные единицы – волости – возглавлялись султанами. Избрание старшего султана осуществлялось коллегией султанов, в то время как заседатели от киргизского (казахского) населения в региональном административном органе (приказе) избирались биями и старшинами. Утверждение кандидатур как старшего султана, так и заседателей находилось в компетенции областного начальника. Срок полномочий старшего султана составлял три года, в то время как заседатели избирались на двухлетний период ([СПб ИИ РАН. Ф. 267. Оп. 1. Д. 26. Л. 41-45](#)).

В соответствии с параграфом 114 нормативного акта, принятого в 1822 г., на аульных старшин возлагалась обязанность по поддержанию спокойствия и правопорядка на территории подведомственного им аула. Таким образом, данное положение свидетельствует о том, что аульные старшины осуществляли надзорные функции в отношении подчиненного населения. В рамках административной системы старшие султаны, волостные султаны и аульные старшины выступали в качестве представителей полицейской и административной власти. Следовательно, административное управление аула выполняло функции полицейско-надзорного органа ([ЦГА РК. Ф. 78. Оп. 2. Д. 191. Л. 3-4](#)).

Кушмурунский округ являлся одним из ранних административно-территориальных образований на территории Казахстана, отличавшихся наличием институтов управления. Данное образование возглавлялось Чингизом Валихановым (1811–1895 гг.), внуком Абылай хана. Последний приходился отцом выдающемуся казахскому учёному Чокану Валиханову. Несмотря на родственную связь с Абылай ханом, признаваемым лидером всех трех казахских жузов, его сыну Вали хану не удалось сохранить влияние своего предшественника. Более того, в последнее десятилетие его правления власть не распространялась в полной мере даже на территорию Среднего жуза. В 1815 г. имперское правительство, стремясь к усилению контроля над регионом, назначило в Среднем жузе второго хана – Букея, который скончался в 1817 г. Одним из примечательных событий в личной жизни Вали хана стал его поздний брак с Айганым, молодой женщиной, являвшейся дочерью казаха по имени Саргалдак.

Возвращаясь к биографии султана Чингиса Валиханова, следует отметить, что он являлся старшим сыном хана Вали от его второй супруги Айганым. В 1827 г. благодаря усилиям ханши Айганым Чингис, демонстрировавший успехи в обучении, был определён в Омское казачье войсковое

училище. По завершении учёбы в 1834 г. Чингис Валиханов был избран старшим султаном новообразованного в том же году Аман-Карагайского округа и удостоен звания майора. В этом же году он вступил в брак с Зейнеп Шормановой, сестрой влиятельного Баянаульского старшего султана Мусы Шорманова. В ноябре 1835 г. в этом браке родился Чокан Валиханов. Помимо Чокана, у Чингиса Валиханова было еще шесть сыновей: Жакып, Мақы, Махмет, Мухамеди, Козыке, Нурмухаммед, и пять дочерей: Бадьгул, Ракия, Нурия, Алия, Шарбану.

В 1844 г. административный центр приказа был перенесён в укрепление Кушмурун, что повлекло за собой переименование округа в Кушмурунский с 1845 г. В 1853 г. Кушмурунский приказ был упразднён, а пять его волостей были включены в состав Кокчетавского округа. Старший султан Чингис Валиханов, к тому времени уже получивший чин подполковника, был переведен в Омск на должность советника областного правления по делам сибирских казахов. Согласно данным «Казахской советской энциклопедии», в 1857 г. он был избран старшим султаном Кокчетавского округа. Чингис Валиханов занимал эту должность до 1868 г., когда в результате упразднения окружной системы управления в Казахстане и введения новой административной структуры он вышел в отставку в звании полковника и впоследствии не принимал участия в административной деятельности (Абуев, 2016: 140-141).

Баянаульский округ являлся одной из административно-территориальных единиц, образованных в Казахской степи после упразднения ханской власти в 1822 г. Данная реформа была проведена в соответствии с положением, утверждённым Российской империей. Руководящие должности в этих округах занимали старшие султаны. Первым старшим султаном Баянаульского округа стал Шон Едигеулы (1754–1836 гг.), происходивший из рода Каржас племени Аргын Средней Орды. Его назначение на эту должность демонстрировало возможность занятия высоких административных постов представителями казахской степной аристократии, не принадлежавшими к прежней ханской династии (Исабаев, 2007: 533).

Следующим старшим султаном Баянаульского округа являлся Шорман Кушикулы (1799–1837 гг.). Начиная с 1822 г., совместно с Шоном Едигеулы, он на протяжении ряда лет осуществлял переписку с администрацией Западной Сибири. По поручению Шона Едигеулы Шорман Кушикулы совершил поездки в такие города, как Тобольск, Омск, Павлодар, Петропавловск, а также на Иркутскую ярмарку. Архивные источники свидетельствуют о посещении Шорманом Кушикулы Омска в 1830 г. и Тобольска в 1832 г., где состоялась его встреча с губернатором. После учреждения Баянаульского округа Шорман Кушикулы был назначен на позицию заместителя старшего султана. Впоследствии, после смерти Шона Едигеулы, Шорман Кушикулы был избран на должность старшего султана. Тем не менее, Шорман Кушикулы занимал пост старшего султана непродолжительное время, скончавшись спустя год после своего избрания.

В Баянаульском внешнем округе, после ранее упомянутых старших султанов, должность старшего султана занимал Муса Шорманов (1819–1884 гг.). Помимо Мусы, являвшегося старшим сыном Шормана Кучукова, он имел сыновей Ису, Мустафу, Аужана и дочь Зейнеп. Шорман Кучуков характеризовался как достаточно образованный, влиятельный и авторитетный фигура своего времени. Получив двухлетнее образование у офицера Александра Лукина, что позволило ему овладеть русской речью и письменностью, с 1833 г. он занимал должность окружного заседателя. В 1844 г. в Баянауле им была инициирована постройка мечети и основано медресе. В период с 1847 по 1849 г. Муса Шорманов организовал переселение казачьего населения из Сибири и последующее их расселение на вверенной ему территории. С 1854 г. он вступил в должность старшего султана Баянаульского внешнего округа. В 1855 г. Муса Шорманов совершил два визита в Москву и Санкт-Петербург в связи с кончиной императора Николая I. В 1856 г. он присутствовал на церемонии коронации императора Александра II, проявлял активное участие в общественной жизни региона и поддерживал тесные взаимоотношения со своим племянником, выдающимся казахским учёным Чоканом Валихановым.

Вследствие административной реформы 1868 г., после упразднения Баянаульского внешнего округа и упразднения должности старшего султана, Мусе Шорманову в 1869 г. был присвоен воинский чин полковника, и он был отправлен в отставку с назначением ежегодного пенсионного обеспечения в размере 350 рублей. После выхода в отставку Муса Шорманов посвятил себя этнографическим исследованиям, поддерживал контакты с членами Русского географического общества, такими как Г.Н. Потанин, Н.И. Ядринцев и Н.Ф. Костылецкий, которым предоставлял собранные им материалы.

В 1882 г., во исполнение поручения Степного генерал-губернатора Г.А. Колпаковского, Муса Шорманов принимал участие в делимитации границы между уездами Павлодар и Семей. Проявляя заботу об образовании казахской молодежи, он неоднократно направлял письменные обращения в адрес руководства Западной Сибири относительно вопроса учреждения кочевой степной гимназии. Муса Шорманов скончался в декабре 1884 г. во время своей поездки в город Омск, тело его было доставлено в урочище Аккелин близ Баянаула и предано земле (Акышев, 2003: 8-18).

Вслед за учреждением Каркаралинского округа его первым старшим султаном стал Турсун Чингисов, происходивший из сословия торе. В 1830 г. старший султан Каркаралинского округа Турсун Чингисов, будучи членом депутации при Высочайшем Дворе Его Императорского Величества,

обратился в Азиатский департамент с прошением о предоставлении льгот казахам в отношении взимания ясака. Данное обращение послужило основанием для его рассмотрения в установленном порядке, первоначально в Омском областном совете Главного управления Западной Сибири, который принял решение об освобождении всех султанов от обязанности уплаты ясака и о предоставлении им права самостоятельного осуществления данного сбора (РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 349. Л. 2).

Старший султан Турсын Чингисов осуществлял руководство на протяжении двадцати лет. В 1844 г. он был отстранён от занимаемой должности. Впоследствии управление перешло к Кусбек-торе, происходившему из рода Букей-хана по линии его младшей жены. По истечении шести лет руководства он был освобождён от должности. Затем значимую роль в истории региона сыграл старший султан Каркаралинского округа Кунанбай Ускенбаев (1804–1885 гг.). Кунанбай Ускенбаев начал свою служебную деятельность в 1834 г. с должности старшины волости Кишик-Тобыкты. Впоследствии, в 1849 г. Кунанбай Ускенбаев был избран на должность старшего султана Каркаралинского округа. Вскоре после вступления в должность, в 1851 г. он инициировал строительство мечети в Каркаралинке. Деятельность Кунанбая Ускенбаева была отмечена значительными заслугами перед населением. Однако, вследствие доноса со стороны близких родственников, в 1855 г. он был отстранён от занимаемой должности (Сапаралы, 1995: 79).

К числу наиболее значимых заслуг Кунанбая следует отнести его пристальное внимание к вопросам образования и просвещения, о чём свидетельствует инициированное им открытие многочисленных школ и медресе для обучения казахских детей. Он также уделял внимание воспитанию собственных детей, прививая им просвещенные и прогрессивные идеи. Данные инициативы получили заметную поддержку в регионах Каркаралы, Аягоза, Чингистау и Семей. Согласно архивным данным, зафиксированным в документе «Дело о разрешении управлению Кучук-Тобыкгинской волости Кунанбаю Ускенбаеву строить школы» 1845 г., по его инициативе были открыты крупные медресе в Каркаралы, Семей и Бескарагае (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 5051. Л. 3-4).

10 августа 1845 г. в семье Кунанбая Ускенбаева и его второй супруги Улжан произошло рождение Ибрагима Кунанбаева, впоследствии известного под именем Абай. По достижении совершеннолетия Абай Кунанбаев принимал активное участие в общественно-политической жизни региона, занимая, в частности, должность волостного управителя. Данная persona представляет собой значимую историческую фигуру, получившую широкое признание в качестве выдающегося поэта казахского народа. Необходимо отметить, что обширный массив сведений о его жизни и деятельности зафиксирован в архивных документах (Сыдыков, 2019: 113).

Европейский путешественник Адольф Янушкевич, осуществивший экспедицию в Казахскую степь в 1846 г., в своём опубликованном труде «Письма и дневники» зафиксировал личную встречу с Кунанбаем Ускенбаевым, выразив ему глубокое уважение. В частности, исследователь констатировал: «Соплеменники воспринимали Кунанбая как безальтернативного защитника от потенциальных угроз, оказывая ему исключительное почтение, в чем я неоднократно убеждался в ходе своего путешествия. Его день начинался с непрерывной коммуникации, которая продолжалась до момента отхода ко сну. Казахи регулярно обращались к нему за советом. Приняв характерную позу, опираясь руками на бока, он после краткого изложения своей мысли цитировал фрагменты шариата, произнося их с интонацией, напоминавшей пророческую. Феноменальная память позволяет ему воспроизводить наизусть все правительственные указы и распоряжения так, словно он зачитывает их из книги» (Янушкевич, 1966: 267).

В 1851 г. Кунанбай Ускенбаев обратился к Западно-Сибирскому генерал-губернатору с официальным письмом, в котором ходатайствовал о предоставлении разрешения на размещение в урочище Карагайлы малоимущих батраков с целью их интеграции в аграрную сферу. Основной интенцией данного обращения являлось содействие переходу казахского населения к оседлому образу жизни и земледелию, а также активизация сельскохозяйственного освоения плодородных земель, расположенных вдоль реки Иртыш (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3640. Л. 189).

В период 1854–1864 гг. Кунанбай Ускенбаев столкнулся со значительными трудностями как личного, так и семейного характера. Согласно распоряжению Фридриха, Кунанбай Ускенбаев был доставлен в Омск и подвергнут шестимесячному домашнему аресту. Данное заключение вызвало глубокую обеспокоенность у известного казахского просветителя и учёного Чокана Валиханова и его отца Чингиса Валиханова. Ими были предприняты усилия по освобождению Кунанбая посредством предоставления поручительства. Для реализации данной цели требовалось ходатайство авторитетных биев. С этой целью Чингис Валиханов предпринял специальную поездку в Каркаралинск, где созвал собрание биев. Бии выразили глубокое сожаление в связи с необоснованным отстранением Кунанбая и заявили о необходимости восстановления его в прежней должности. Чингисом Валихановым от имени биев было составлено прошение на казахском языке, содержащее ходатайство о скорейшем освобождении Кунанбая. Впоследствии указанное прошение было заверено подписями влиятельных биев Каркаралинского региона (Сапаралы, 2020: 52-54).

Формирование Кокпектинского округа было обусловлено императорским указом от 29 апреля 1844 г., адресованным Правительствующему Сенату Российской империи. Данный законодательный акт предписывал учреждение Кокпектинского внешнего окружного приказа и предусматривал

административное отделение четырех волостей от Аягозского округа с целью их последующей инкорпорации в состав новообразованного Кокпектинского округа. Таким образом, в результате проведенного административно-территориального размежевания, из прежней Аягозской окружной единицы были выделены следующие четыре волости: Мурын-Назар, Мурын-Куттымбет, Мурын-Кыдыр и Мурын-Кенже, которые были включены в состав Кокпектинского внешнего округа, увеличив общее число его волостей до двенадцати (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2121. Л. 103-104).

Штатное расписание Кокпектинского внешнего округа было официально утверждено в апреле 1844 г. Согласно утверждённой структуре, штат включал в себя 60 человек. При анализе организационной структуры округа были установлены следующие должности: старший султан, два заседателя от российской администрации, два заседателя от казахской стороны, секретарь, врач, повар, три переводчика, канцелярский служащий, двенадцать волостных управителей, а также другие служащие. Формальное объявление о создании Кокпектинского округа в соответствии с вышеупомянутым указом состоялось 30 мая 1844 г. в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве в городе Омске (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2188. Л. 4).

В дальнейшем Пограничным управлением сибирских киргизов (казахов) был разработан перечень для изготовления индивидуальных печатей, предназначенных для старшего султана, заседателей, биев, волостных управителей и старшин Кокпектинского округа, учреждённого в 1844 г. В ходе анализа указанного документа было установлено, что на изготовление персональной серебряной печати для каждого должностного лица предусматривалось ассигнование суммы в размере 240 рублей (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4002. Л. 108). Пограничным управлением Западно-Сибирского генерал-губернаторства 26 сентября 1844 г. был издан приказ об утверждении штабс-капитана, старшего султана Кисыка Тезекова на новый трехлетний срок (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4227. Л. 1).

20 июня 1850 г. Пограничным управлением Западно-Сибирского генерал-губернаторства был составлен официальный рапорт, посвящённый административно-территориальным единицам Кокпектинского округа, включая сведения об их руководителях и текущем состоянии. Документ содержал формулярные списки кандидатов на должность старшего султана, а именно Кисыка Тезекова и Рустема Жангобекова, а также информацию об их ближайшем окружении. Согласно архивным источникам, в период с 1851 по 1853 г. Кисык Тезеков, представитель рода Кенже-Мурун, был в третий раз утверждён в должности старшего султана Кокпектинского округа. Помимо этого, были избраны два заседателя от русской и два заседателя от казахской стороны. В числе последних упоминались два заседателя, выполнявшие функции заместителей старшего султана: Шерубай Кулов и Кайкы Бекчурин. В представленном рапорте также фигурировал перечень волостных управителей, включавший имена руководителей пятнадцати волостей (ЦГА РК. Ф. 374. Оп. 1. Д. 4465. Л. 5-6).

Согласно документу, датированному 17 октября 1852 г., отделением Пограничного управления Западно-Сибирскому генерал-губернатору были направлены сведения, содержащие номенклатуру пятнадцати волостей, административно входящих в состав Кокпектинского округа, а также информацию о лицах, занимавших руководящие должности в указанных волостях (Yensenov, 2024: 1179-1188).

В Омском историческом архиве обнаружен документ, относящийся к первому старшему султану Кокпектинского округа - Кисыку Тезекову. Указанный источник представляет собой письмо от 11 августа 1856 г., направленное штабс-капитаном Кисыком Тезековым, военным губернатором Семипалатинской области, на имя Западно-Сибирского генерал-губернатора в Совет Главного управления Западной Сибири. В данном письме содержится прошение о пожаловании Кисыку Тезекову и его потомству наследственного дворянского титула, мотивированное фактом его трехкратного пребывания в должности старшего султана на протяжении девятилетнего периода (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 4675. Л. 23). Следовательно, Кисык Тезеков, трижды (в период с 1844 по 1853 г.) занимавший пост старшего султана Кокпектинского округа, представлял собой авторитетную фигуру, известную в народной среде под прозвищем «Қарадан шыққан Хан Қисық» (Хан Кисык из простолудинов). В течение своей службы, в 1833 г. ему был присвоен чин поручика, а в 1843 г. – штабс-капитана. В дальнейшем он также был удостоен дворянского звания (Габдильхакулы, 2023: 4). Данное обстоятельство представляло собой событие, связанное с демаркацией границ на казахских землях в XIX в.

5. Заключение

Вследствие упразднения института ханской власти в Казахской степи на территориях, интегрированных в состав Российской империи, была осуществлена имплементация административно-территориальных структур по российскому образцу. Данная реформа включала введение новой системы территориального деления и формирование соответствующих органов управления, аналогичных имперским. Была установлена иерархическая система управления новообразованными округами: низшее звено составляли старшины, управлявшие аулами; среднее звено – волостные султаны, возглавлявшие волости; высшее звено на окружном уровне – старшие султаны.

Ключевой целью данных преобразований являлось ограничение политического влияния потомков Чингисхана, чья власть исторически легитимировала предшествующую административную систему. При этом султаны, не занимавшие посты волостных управителей, сохраняли свои сословные привилегии, однако их вмешательство в административные дела окружных подразделений было строго регламентировано и запрещено.

Старшим султанам, как главам округов, делегировались значительные полномочия. Под их председательством функционировали окружные приказы, в заседаниях которых участвовали два назначаемых областным начальством российских заседателя и два представителя от местного населения, избираемых из числа «почетных казахов». Административно округа подразделялись на волости и аулы.

Период функционирования института старших султанов, охватывающий 1822-1868 гг., представляет собой важный этап в истории Казахстана. Он характеризуется как эволюционное развитие политической власти в степном регионе, в рамках которого происходила трансформация традиционных институтов и интеграция новых должностных лиц (старших султанов, волостных управителей, старшин) в административную систему Российской империи.

Изучение института старших султанов имеет важное значение для понимания механизмов функционирования Российской империи на ее национальных окраинах, особенностей взаимодействия имперской власти с местными элитами и последствий этих процессов для исторического развития народов Центральной Азии.

6. Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования «Эволюция политических институтов и структур в истории Казахстана (XIX–XXI вв.)» (ИРН № BR21882308).

Литература

- Абуев, 2016** – Абуев К.К. Чокан Валиханов и его современники: Монография. Кокшетау: КГУ им Ш. Уалиханова, 2016.
- Акышев, 2003** – Акышев З. Мұса Шорманов / Мұса Шорманов. Павлодар: «ЭКО», 2003.
- Бекмаханов, 1994** – Бекмаханов Е. Қазақстан ХІХ ғасырлардың 20-40-жылдарында (Оқу құралы). Алматы, Санат, 1994.
- Барон Услар, 1848** – Барон Услар П.К. Четыре месяца в Киргизской степи // *Отчетные записки. Учено-литературный журнал*. Ответ ред. А.Краевским. Том 9. СПб.: Издательство И. Глазунова и Комп., 1848.
- Гейнс, 1897** – Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. I. СПб.: Типография им. М.М. Стасюлевича, 1897.
- ГИАОО** – Государственный Исторический Архив Омский области.
- Зиманов, 1958** – Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: АН. Каз ССР, 1958.
- Исабаев, 2007** – Исабаев Қ. Шоң Едігеұлы / Қазақстан. Ұлттық энциклопедия 9-й том. Бас ред. Б.Аяған. Алматы: Қазақ энциклопедиясының Бас редакциясы. 2007. 533 с.
- Касымбаев, 2004** – Касымбаев Ж. Старший султан Кунанбай Ускенбаев и его окружение. 2-е издание. Алматы: Издательство «Кітап», 2004. С. 33-40.
- Материалы по истории..., 1960** – Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. Сборник документов. Составитель М.Г. Масевич. Алма-Ата: Издательство Академии наук КазССР, 1960.
- Ордағали Ғабділхақұлы, 2023** – Ордағали Ғабділхақұлы. Алғы сөз // *Тана мырза*. Семей: «Дом печати», 2023. 4 б.
- Ремнев, 1995** – Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX века. Омск, 1995.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Смоленский, 2008** – Смоленский Н.И. Теория и методология истории: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е издание. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
- Сапаралы, 1995** – Сапаралы Б. Құнанбай қажы. Алматы: Ер даулет, 1995.
- Сапаралы, 2020** – Сапаралы Б. Құнанбай қажы / Құрастырған. А. Мырзақасым / Астана: Фолиант, 2020.
- Сыдыков, 2019** – Сыдыков Е. Құнанбай. Жизнь замечательных людей. Серия биографий. М.: Молодая гвардия, 2019.
- СПБ ИИ РАН** – Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
- Янушкевич, 1966** – Янушкевич А. Дневники и письма из путешествия по казахским степям / Пер. с польск. и предисл. Алма-Ата: Казахстан, 1966. 267 с.

Noda, 2016 – *Noda Jin*. The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Boston: Brill, 2016. Series: Islamic area studies. Vol. 3.

Yensenov, 2024 – *Yensenov K.A., Karassayev G.M., Aktailak B.B., Shurshitbay B.B.* The Development of Kazakh Elders and Biys Roles in Russian Empire Administration Structure (XIX century) // *Bylye Gody*. 2024. 19 (3): 1179-1188.

Martin, 2010 – *Martin M.* Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet // *Central Asian Survey*. 2010. Vol. 29. No. 1. Pp. 79-102.

References

Abuev, 2016 – *Abuev, K.K.* (2016). Chokan Valikhanov i ego sovremenniki: Monografiya [Chokan Ualikhanov and his contemporaries: Monograph]. Kokshetau: KGU im Sh. Ualikhanova. [in Russian]

Akyshev, 2003 – *Akyshev, Z.* (2003). Mýsa Shormanov [Musa Shormanov]. Mýsa Shormanov. Pavlodar: «EKO». [in Kazakh]

Baron Uslar, 1848 – *Baron Uslar, P.K.* (1848). Chetyre mesyatsa v Kirgizskoi stepi [Four months in the Kyrgyz steppe Otchetnye zapiski]. Ucheno-literaturnyi zhurnal. Otvet red. A.Kraevskim. Tom 9. SPb.: Izdatel'stvo I. Glazunova i Komp. [in Russian]

Bekmakhanov, 1994 – *Bekmakhanov, E.* (1994). Kazakstan XIX ғасырлардың 20-40-жылдарында (Оқиқыралы) [Kazakhstan in the 20-40s of XIX century – (Textbook)]. Almaty, Sanat. [in Kazakh]

Geins, 1897 – *Geins, A.K.* (1897). Sobranie literaturnykh trudov [Collection of literary works]. T. I. SPb.: Tipografiya im. M.M. Stasyulevicha. [in Russian]

GIAOO – Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv Omskii oblasti [The State Historical Archive of the Omsk region].

Isabaev, 2007 – *Isabaev, K.* (2007). Shon Edigeuly [Shon Edigeuly]. Kazakstan. Yltyk entsiklopediya 9-i tom. Bas red. B.Ayaran. Almaty: Kazak entsiklopediyasyny Bas redaktsiyasy. 533 p. [in Kazakh]

Kasymbaev, 2004 – *Kasymbaev, Zh.* (2004). Starshyi sultan Kunanbai Uskenbaev i ego okruzhenie [Senior Sultan Kunanbai Uskenbaev and his entourage]. 2-e izdanie. Almaty: Izdatel'stvo «Kitap». Pp. 33-40. [in Kazakh]

Martin, 2010 – *Martin, M.* (2010). Kazakh Chinggisids, land and political power in the nineteenth century: a case study of Syrymbet. *Central Asian Survey*. 29(1): 79-102.

Materialy po istorii..., 1960 – *Materialy po istorii politicheskogo stroya Kazakhstana* [Proceedings on the history of the political structure of Kazakhstan]. T. I. Sbornik dokumentov. Sostavitel' M.G. Masevich. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk KazSSR, 1960. [in Russian]

Noda, 2016 – *Noda, Jin.* (2016). The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires Central Eurasian International Relations during the Eighteenth and Nineteenth Centuries. Boston: Brill. Series: Islamic area studies. Vol. 3.

Ordarali Fabdilkhaqyly, 2023 – *Ordarali Fabdilkhaqyly* (2023). Alry söz [Foreword]. Tana myrza. Semei: «Dom pechati», 4 b. [in Kazakh]

Remnev, 1995 – *Remnev, A.V.* (1995). Samoderzhavie i Sibir'. Administrativnaya politika v pervoi polovine XIX veka [Autocracy and Siberia. Administrative policy in the first half of XIX century]. Omsk. [in Russian]

RGIA – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive].

Saparaly, 1995 – *Saparaly, B.* (1995). Kynanbai kazhy [Kunanbay haji]. Almaty: Er daulet. [in Kazakh]

Saparaly, 2020 – *Saparaly, B.* (2020). Kynanbai kazhy [Kunanbay haji]. Kyrastyran. A. Myrzakasym. Astana: Foliant. [in Kazakh]

Smolenskii, 2008 – *Smolenskii, N.I.* (2008). Teoriya i metodologiya istorii: ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii [History of theory and methodology: tutorial for higher education study]. 2-e izdanie. M.: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». [in Russian]

SPB II RAN – Nauchno-istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburgskogo Instituta istorii Rossiiskoi akademii nauk [Scientific and historical archive of the St. Petersburg Institute of history].

Sydykov, 2019 – *Sydykov, E.* (2019). Kunanbai. Zhizn' zamechatel'nykh lyudei. Seriya biografii [Kunanbai. Lives of remarkable people. Biographies series]. M.: Molodaya gvardiya. [in Russian]

TsGA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [The Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].

Yanushkevich, 1966 – *Yanushkevich, A.* (1966). Dnevnik i pis'ma iz puteshestviya po kazakhskim stepyam [Diaries and letters from travel on the Kazakh steppes]. Per. s pol'sk. i predisl. Alma-Ata: Kazakhstan. 267 p. [in Russian]

Yensenov, 2024 – *Yensenov, K.A., Karassayev, G.M., Aktailak, B.B., Shurshitbay, B.B.* (2024). The Development of Kazakh Elders and Biys Roles in Russian Empire Administration Structure (XIX century). *Bylye Gody*. 19 (3): 1179-1188.

Zimanov, 1958 – *Zimanov, S.Z.* (1958). Obschestvennyi stroi kazakhov pervoi poloviny XIX veka [Public structure of Kazakhs in the first half of XIX century]. Alma-Ata: AN. Kaz SSR. [in Russian]

Роль казахских старших султанов в структуре управления Российской империи (XIX в.)

Канат Алексеевич Енсенов ^{a, *}, Рысгул Рамазановна Оспанова ^b,
Бейбитгуль Шуршитбайкызы Шуршутбай ^c, Бакытжан Болатбекулы Актайлак ^d

^a Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Астана, Республика Казахстан

^b Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

^c Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан

^d Архив Президента Республики Казахстан, Астана, Республика Казахстан

Аннотация. Политико-административная реформа 1822 г. в Российской империи инициировала процесс ликвидации Казахского ханства, что повлекло за собой формирование новых административных структур на его бывших территориях. В условиях Казахской степи произошла трансформация властных институтов: на смену ханской власти была введена система управления, представленная старшими султанами, волостными управителями и аульными старшинами. В рамках общей административной системы Российской империи, включавшей Правительствующий Сенат и институт генерал-губернаторов, управление присоединенными казахскими землями было инкорпорировано в существующую структуру. В частности, территория Среднего жуза вошла в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства с центром в Омске. Генерал-губернатор осуществлял надзор за деятельностью вновь созданных окружных приказов. В хронологическом порядке были учреждены следующие внешние округа: Кокчетавский и Каркаралинский (1824 г.), Баянаульский (1833 г.) и Кокпектинский (1844 г.). Руководство данными округами, образованными после упразднения ханской власти, возлагалось на старших султанов, избираемых из числа местной аристократии. Административно-территориальная структура каждого округа включала подчиненные волости и аулы, управление которыми осуществлялось соответственно волостными управителями и аульными старшинами.

Реформа административного управления в Казахской степи привела к институализации выборных должностей старших султанов, волостных управителей и старшин, интегрированных в административную структуру Российской империи. Сведения о функциональных обязанностях старших султанов в данный хронологический период (1822–1868 гг.) содержатся в архивных собраниях России и Казахстана. Исследование деятельности старших султанов сфокусировано на примере Кушмурунского, Каркаралинского, Баянаульского и Кокпектинского округов Среднего жуза, анализ административного устройства которых является актуальной научной задачей.

Ключевые слова: Российская империя, Казахское ханство, ханская власть, казахи, русские, административное управление, реформа, старшие султаны, волостные управители, старшины.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: kanat-02-79@mail.ru (К.А. Енсенов),
ablai_angel@mail.ru (П.Р. Оспанова), ms.beybitgul@mail.ru (Б. Шуршутбай),
a.bakytzhan1992@gmail.com (Б.Б. Актайлак)